

(1) В дни зимних вьюг, когда вся земля, всё на земле - дома, деревья – тряслось, выло, плакало, скука вливалась в мастерскую волною, тяжкой, как свинец, давила людей. умерщвляя в них всё живое.

(2) Трезвый, Капендюхин неумолимо издевался над Ситановым, высмеивая его страсть к стихам и его несчастный роман, безуспешно возбуждая ревность. (3) Ситанов слушал издёвки казака молча, безобидно, а иногда даже сам смеялся вместе с Капендюхиным.

(4) Спали они рядом и по ночам долго шёпотом беседовали о чём-то.

(5) Эти беседы не давали мне покоя: хотелось знать, о чём могут по-дружески говорить люди, так непохожие один на другого. (6) Но, когда я подходил к ним, казак ворчал:

- Тебе чего надо?

(7) А Ситанов точно не видел меня.

(8) Но однажды они позвали меня, и казак спросил:

- Максимыч, ежели бы ты был богат, что бы сделал?

- (9) Книг купил бы.

- (10) А ещё?

- (11) Не знаю.

- (12) Эх, - с досадой отвернулся от меня Капендюхин, а Ситанов спокойно сказал:

- Видишь - никто не знает, ни старый, ни малый! (13) Я тебе говорю: и богатство само по себе - ни к чему!

(14) Всё требует какого-нибудь приложения ...

(15) Я спросил:

- О чём вы говорите?

- (16) Спать неохота, вот и говорим, - ответил казак.

(17) Позднее, прислушавшись к их беседам, я узнал, что они говорят по ночам о том же, о чём люди любят говорить и днём: о Боге, правде, счастье, о глупости и хитрости женщин, о жадности богатых и о том, что вся жизнь запутанна, непонятна.

(18) Я всегда слушал эти разговоры с жадностью, они меня волновали, мне нравилось, что почти все люди говорят одинаково: жизнь плоха, надо жить лучше! (19) Но я видел, что желание жить лучше ни к чему не обязывает, ничего не изменяет в жизни мастерской, в отношениях мастеров друг к другу. (20) Все эти речи, освещая предо мною жизнь, открывали за нею какую-то унылую пустоту, и в этой пустоте, точно соринки в воде пруда при ветре, бестолково и раздражённо плавают люди, те самые, которые говорят, что такая толкотня бессмысленна и обижает их.

(21) Рассуждая много и охотно, всегда кого-нибудь судили, каялись, хвастались и, возбуждая злые ссоры из-за пустяков, крепко обижали друг друга. (22) Пытались догадаться о том, что будет с ними после смерти, а у порога мастерской, где стоял ушат для помоев, прогнила половица, из-под пола в эту сырую, гнилую, мокрую дыру несло холодом, запахом прокисшей земли, от этого мерзли ноги; мы с Павлом затыкали эту дыру сеном и тряпками. (23) Часто говорили о том, что надо переменить половицу, а дыра становилась всё шире, во дни вьюг из неё садило, как из трубы, люди простужались, кашляли.

(24) Жестяной вертун форточки отвратительно визжал, его похабно ругали, а когда я его смазал маслом, Жихарёв, при слушавшись, сказал:

- Не визжит форточка, и - стало скушней ...

(25) Приходя из бани, ложились в пыльные и грязные постели - грязь и скверные запахи вообще никого не возмущали. (26) Было множество дрянных мелочей, которые мешали жить, их можно было легко извести, но никто не делал этого.

(27) Часто говорили:

- Никто людей не жалеет, ни Бог, ни сами себя ...

(28) Но когда мы, я и Павел, вымыли изъеденного грязью и насекомыми, умирающего Давидова, нас подняли на смех, снимали с себя рубахи, предлагая нам обыскать их, называли банщиками и вообще издевались так, как будто мы сделали что-то позорное и очень смешное.

(По М. Горькому)